

Наша газета в рубрике «Уроки истории» продолжает публикацию отрывков из книги полковника запаса Владимира Слабуки «В исключительных обстоятельствах» (Москва, издательство «Граница», 2015).

Он является автором нескольких книг об истории органов безопасности Камчатки, о неизвестных страницах прошлого нашего края.

Изданные Владимиром Викентьевичем документальные очерки часто основываются на источниках, ранее недоступных широкому кругу исследователей.

Автора отличает хороший литературный язык в изложении событий давно минувших дней. О них Владимир Слабука старается рассказывать без мажорной и минорной ретуши, считая, что для нашего объективного понимания прошлого «обеление» истории еще губительнее, чем ее очернение.

Редакция «Вестей»

КОГДА МИНУТЫ РОКОВЫЕ НАСТАЮТ

(Текст печатается с сокращениями)

В истории северо-восточной границы навсегда останутся суровыми шрамами некоторые трагедии. Одна из них произошла 24 августа 2000 года на пограничной заставе «Преображенская», которая дислоцировалась на острове Медный.

...Приближавшуюся светлую точку Анатолий Кузьмин заметил еще издали и вначале решил, что ветер сменил направление и его несет к острову Медный из группы Командорских островов, где располагалась его застава. Кузьмин сидел на бревнах, намертво вцепившись в пластиковую веревку, которая пока продолжала сопротивляться волнам, не давая развалиться двум толстым стволам деревьев, выросших где-то на далеком аляскинском берегу. Третье бревно лежало поперек двух первых. Несколько часов назад пограничник, сам того не подозревая, среди разъяренных волн соорудил нечто напоминавшее катамаран, благодаря которому он до сих пор держался на плаву.

К Кузьмину приближался приморский сейнер «Кооператор», еще днем включившийся в поиск унесенных морем пограничников. Свет прожектора этого судна Анатолий и принял за огни заставы, откуда утром 24 августа 2000 года восемь пограничников отправились за плавником. Океан щедро выбрасывает его на берега бухты Песчаной острова Медный, на котором деревья не растут...

Повар-хлебопек заставы рядовой Анатолий Кузьмин мог не идти за дровами. Накануне вечером командир подразделения объявил пограничнику выходной, и он мог следующий день провести в полной праздности. Но традиции заставы не позволяли отдыхать, если все остальные заняты делом.

На дорогу до бухты у восьми пограничников во главе со старшиной заставы старшим прапорщиком Олегом Горловым ушло около сорока минут. Отшлифованных волнами до седого блеска бревен на берегу лежало много. Пограничникам оставалось только связать их между собой. Работали быстро, и к полудню на отмели уже лежали четыре плота. Закончив их связывать, перекусили пирогами, которые специально испек для рабочей группы второй повар заставы. Ели весело, смеялись, никто и предположить не мог, что для большинства это был их последний обед...

Плоты намеревались сплавлять вдоль берега бухты. Это было роковое решение командования заставы. Начальнику заставы придется жить с грузом ответственности за потерянных людей, не имея права взглянуть в глаза матерям, навечно лишенным счастья. Суд над ним состоялся через несколько месяцев после описанных событий. Он ответил перед законом. Но и самое суровое наказание не в силах что-либо изменить в трагедии, разыгравшейся в Беринговом море.

...Перед тем как столкнуть плоты на воду, Горлов посоветовал подчиненным сплавляться ближе к берегу. Держался старшина уверенно. Несколько недель назад в тихую ясную погоду прапорщик уже доставил один такой плот к заставе. Тот удачный опыт и надоумил его организовать массовую экспедицию в бухту за плавником для заставской бани. Плот, на котором находились Горлов и ефрейтор Тимофей Терещук, оторвался от берега первым. За ним с интервалами в десять минут вышли остальные три плота.

Анатолий Кузьмин с ефрейтором Виктором Трабо находились на втором плоту. Они энергично отталкивались от дна бухты шестами. В часы отлива в бухте Песчаной

неглубоко. Наверное, это обстоятельство тоже притупило чувство опасности у пограничников. Кажется, чего бояться, если вот оно, дно – шестом достать можно. Ребята в считанные минуты оказались в ста метрах от берега и повернули плот к заставе.

Тем временем от берега отошел третий плот с сержантом Виталием Богдановым и ефрейтором Романом Герасимовым, а там и четвертый. На нем находились сержанты Дмитрий Ершов и Александр Фоломин...

Человеческие трагедии, как и природные катаклизмы, часто начинаются с минут блаженного затишья. По почти зеркальной воде плоты ходко двигались к заставе. Кузьмин и Трабо уже прошли половину пути, но толкать плот шестами оказалось делом непростым. Бревна то и дело разворачивало, и погранищикам приходилось торопливо перебегать с одного борта плота на другой. Они только и успевали просить друг друга: «Подтолкни-ка слева!» – и не сразу почувствовали, что удерживать плот на нужном курсе стало труднее.

Погранищикам приходилось все чаще перебегать с борта на борт, по разгоряченным лицам тек пот, и в этой спешке они не успевали даже взглянуть на берег до того момента, когда в один миг шест у Анатолия скользнул в воду, но... не достиг дна. Только тогда ребята, больше года прослужившие на острове, взглянув на берег, заметили, что в горячке работы пропустили главное: поднялся южный ветер, и волны, пока еще небольшие, увлекали плот к выходу из бухты. Пограничники огляделись.

Третий плот с Богдановым и Герасимовым также безуспешно пытался справиться с напором моря, их несло к плоту Трабо и Кузьмина. Четвертому плоту повезло больше. Он находился у самого берега, и казалось, что ему ничто не мешает дойти до заставы. Но и этот плот не вернулся на заставу.

Ветер усилился. Пока еще часть его яростного напора, рожденного в далеких тропиках, принимали скалы острова, и волны лишь выплескивались на бревна, расположенные на краю плота. Кузьмин и Трабо попытались грести шестами, но тщетно: это было все равно, что зубочисткой разливать борщ. Пограничникам ничего не оставалось, как встать на середину плота и ждать, надеясь на лучшее.

Кто знает, может быть, ребятам, когда до берега оставалось не более двухсот метров, стоило во спасение рискнуть: оставить плоты и, где вплавь, где вброд, попытаться добраться до острова. Учитывая небольшую глубину бухты во время отлива, возможно, кто-то и достиг бы берега. Однако в Беринговом море температура воды даже в августе редко поднимается выше шести градусов. Медики утверждают, что человек может находиться в воде при такой температуре не больше пятнадцати минут. А ребятам предстояло провести в ледяном море значительно больше времени. И все же, может быть, все-таки стоило рискнуть?..

Плот, на котором находились Богданов и Герасимов, волны прибили к плоту Кузьмина и Трабо. Взглянув на их плот, Анатолий Кузьмин сообразил, почему сослуживцы двигались быстрее. Тонкие бревна их плота меньше сопротивлялись напору ветра, и волны уже свободно разгуливали по нему. Кузьмин и Трабо, переглянувшись, поняли друг друга без слов. И пригласили: «Мужики, прыгайте к нам, у нас пока посуше». Это связало судьбу четверых пограничников в единый узел.

Впрочем, сухо и на большом плоту оставалось недолго. По мере того как удалялся берег, волны становились выше. Вначале брюки, а затем и куртки пограничников промокли.

Когда плот почти вынесло в открытое море, пограничники, а трое из них – в последний раз, увидели заставу. У ребят сердца защемило болью и надеждой. «Ну, все. Сейчас часовой нас заметит, сообщит в отряд, и нас начнут искать», – вслух выразил общие чувства сержант Богданов. Так и случилось.

Поиски попавших в беду пограничников после того, как часовой заставы увидел уносимые в океан плоты с крошечными фигурками сослуживцев, начались немедленно. Некогда было гадать, что произошло. Чрезвычайная ситуация требовала экстренных мер. Командование Северо-Восточного регионального управления срочно приняло все мыслимые и немыслимые меры, чтобы отыскать пограничников, но океан не спешил помочь поискам. В нем следов не остается. Поиски с неба и на море продолжались больше недели. Не завершились они и после того, как стало очевидно, что надежды найти кого-либо живым иссякли.

Пограничники на плоту сумели сохранить спокойствие. Вначале стояли посередине, тесно прижавшись друг к другу. Затем стало невыносимо холодно, и они, когда позволяли волны, старались двигаться. Из последних сил затягивали ослабшие на бревнах веревки, просто подпрыгивали, пытаясь согреться. А волны становились все выше. Теперь, когда они налетали на плот, пограничники уже не могли устоять на ногах.

Трижды над плотом пролетал самолет, после него чуть в стороне пророкотал вертолет. В такие минуты ребята от радости, от сознания, что их не забыли, не бросили, танцевали на плоту, ожидая скорого спасения. Но с высоты среди седых волн трудно разглядеть плот, который океан выкрасил в свой цвет...

Первым не выдержал ефрейтор Виктор Трабо. Вначале он перестал участвовать в разговорах. Затем, уже не обращая внимания на воду, заливавшую бревна, лег на спину. Кузьмин подбежал к нему, тряс за плечи, кричал: «Витек, вставай!» Трабо никак не отреагировал. Пограничники не оставляли попыток привести товарища в чувство до того самого момента, когда очередная громадная волна нахлынула на плот. Несколько секунд она злобно шипела вокруг пограничников, а когда схлынула – Виктора на плоту не оказалось.

Трое пограничников какое-то время стояли в полном оцепенении, потом, перескакивая от края к краю плота, пытались увидеть товарища в воде. Они еще несколько минут старались не смотреть друг на друга, словно в том, что случилось, была и их вина. А потом Виталий Богданов и Роман Герасимов встали, обнявшись, на середину плота. Анатолий Кузьмин в очередной раз попытался плохо повинующимися руками затянуть узлы пластиковых веревок, стараясь держаться подальше от вспененной бездны.

Часов у него не было, и он потерял ощущение времени. Только начавшие надвигаться

сумерки показывали, что время не остановило свой бег. Так у него в памяти последующие события и запечатлелись – сумерки. Он подошел к Виталию и Роману. По их одеревенелому, неестественному спокойствию Анатолий с ужасом понял, что ребята замерзают. Он и сам находился на грани ледяной комы, но пытался растормошить сослуживцев, что-то кричал. Однако у каждого человека есть свой запас прочности, за который немногим удастся переступить. Виталий и Роман молчали.

Приближения двух громадных волн Кузьмин не заметил. Одна высоко подняла плот, а вторая сокрушительно, как хороший боксер бьет в челюсть, ударила снизу, в мгновение разметав бревна. Все, кто был на плоту, на секунду зависнув в пустоте, оказались в воде. Падая, Кузьмин успел ухватиться за бревно.

Оказавшись на поверхности, Анатолий первый судорожный глоток воздуха сделал, не открывая глаз. Потом удивился, что почти не чувствует холода, и с надеждой оглянулся вокруг. Никого. Что-то больно ударило в бок. Быстро испуганно обернулся. Увидел два бревна, каким-то чудом еще связанные веревкой. Осторожно взобрался на них. Попытался развязать узел и натянуть веревку потуже. Пластиковый канат не намок и потому поддался. Волны продолжали плясать, а одна из них, подняв еще одно бревно, уложила его поперек двух первых. Анатолий, как мог, привязал и его.

Сам того не подозревая, пограничник среди разъяренных волн соорудил нечто, напоминавшее катамаран, который удерживал его на плаву погруженным в воду по пояс. Теперь он еще раз огляделся. Чуда не произошло. Никого на поверхности не было. Отчаяние и страх – вот и все, что чувствовал Анатолий. Он посмотрел в близкую зеленую бездну. Она сулила спокойствие и избавление от лютого холода, начавшего мучить пограничника вновь. Горькие соленые струи текли по лицу. То ли слезы, то ли брызги моря...

В эту минуту ему невыносимо захотелось быть дома, где сухо и тепло, где навстречу нежаркому августовскому солнцу открыты окна, где сейчас, может быть, собралась вся его большая семья. Подумалось: «Они и знать не знают, что происходит с их Толиком. И вообще ничего они обо мне не знают, сколько времени писем не писал. Застава на острове, какая почта. Получит мать казенное письмо, расплачется».

Но тут жалость к себе у Анатолия сменилась злостью. «Ничего, пока жив, буду барахтаться, – уже громко вслух начал размышлять Кузьмин. – И спасут меня

обязательно. Окажусь на заставе, обязательно напишу родителям. А начну так: Служба мне на острове нравится. Коллектив у нас очень дружный. Дедовщины, которой нас и дома, и на учебке страшали, нет и в помине. А на остров Медный добирался я очень долго. Больше месяца в Усть-Камчатске ждали попутный транспорт. Там тоже понарасказывали всякого об островах. Говорили, что не служба, а каторга».

Злость начала проходить. На смену ей пришла непонятная, невероятная в его ситуации умиротворенность. Очень хотелось спать. Анатолий попытался разогнуть руки, вцепившиеся в веревку. Не сразу, но пальцы разжать удалось, а вот втянуть

ноги на бревна не получилось. Сумерки продолжали сгущаться,

«Приняли нас на заставе хорошо. Праздник устроили. Наготовили всего. А теперь я сам готовлю к праздникам. Вот приеду, такими пирогами угощу...»

Слезы, не останавливаясь, текли по лицу. Анатолий вспомнил последний праздник на заставе. По традиции отмечали 100 дней до приказа. Начальник заставы рассказал о каждом, кому предстояло скоро возвращаться домой. Четверо из тех, кого в тот день поздравляли, 24 августа пошли в бухту Песчаную за плавником для бани... Мысли оборвались. Кузьмин уснул... Проснулся от сильного толчка. Огляделся вокруг. Волны не ослабевали. Они то и дело накрывали солдата. Но сейчас они из его врагов превратились в союзников. Их мощные удары, их ледяная вода не позволяли замерзающему пограничнику надолго засыпать. Продлись сон пять или десять минут, даже если руки, впившиеся в веревку, не разогнутся, освободиться от обволакивающей спокойствием дремы будет уже нельзя.

Строки его воображаемого письма становились все короче, все сумбурнее, но человек пытался хвататься за них, как за ту единственную нить, связывавшую его с остальным миром...

«А больше всего я люблю печь рыбные пироги. На нашем острове замечательная рыбалка. Только она совсем не похожа на нашу, да и рыба здесь не та, что водится в нашей речке Балахтонке».

Глаза начали слипаться. Последняя фраза о рыбалке заставила отчетливо вспомнить, как незадолго до призыва старшего брата в пограничные войска, они решили сходить с ним к заветному местечку на реке, где возле омута хорошо ловились крупные хариусы. Последние дни мая – время цветения черемухи – традиционно выдались холодными. Братья, расположившись на берегу, вначале зябко кутались в ватники, но затем хороший клев заставил забыть о холоде. Восемь хариусов уже серебрились на траве, когда удочка резко дернулась в руках у Анатолия. Поплавок не то что резко – стремительно исчез с поверхности воды. Удилище, когда Анатолий потянул его на себя, мелко задрожав, само попыталось вырваться из рук. Кузьмин потянул сильнее. На какое-то мгновение из реки высунулась зубастая пасть тайменя. Брат, будучи не в состоянии оставаться безучастным, перехватил удилище и горячо зашипел ему в ухо: «Так не вытащим. Лезь в воду. Я подтяну его к берегу, а ты хватай за жабры!»

Вначале было мелко. Но уже в метре от берега ноги Анатолия беспомощно заскользили по глине обрывистого откоса омута. Удалось остановиться, когда вода достигла шеи.

– Я утону! – закричал Анатолий.

– Нет! – откликнулся брат...

Опять все тело свело холодом... Анатолий проснулся и понял, что очередная волна только что перевалила через него. Ночь вокруг вытеснила всякий свет. Только тот, кто оставался один на один с океаном ночью, может понять, какая тьма окружает одинокого человека. Кузьмин почувствовал, что ужас готов вцепиться в него, как голодный волк в убегающего оленя. Чтобы не оказаться в его власти, Анатолий попытался сосредоточиться на письме. Он вспомнил, как волновались отец и мать после одной истории, участником которой он стал.

В тайге Анатолий, работая лесником, бывал гораздо чаще, чем в селе. Неделями в лесу ночевал. И однажды стал свидетелем того, как на стадо коров напал медведь. Двух буренок растерзал, до смерти напугал пастуха, да и других мужиков, оказавшихся поблизости. Только Кузьмин не потерял хладнокровия. Зато родители после рассказа сына покой утратили. Хотели его в тайгу вовсе не отпускать. Но что поделаешь – работа.

К мысленному письму, прежде чем вновь заснуть, солдат добавил: «А крупных зверей я на острове не встречал, только песцов... И служба моя проходит без всяких происшествий...»

Очередная волна была не выше, чем другие, но заставила его проснуться. Вдали он заметил приближавшуюся светлую точку и вначале решил, что ветер сменил направление и его несет к родной заставе на острове Медный. И удивился, что это открытие несколько не обрадовало его. Потом до слуха Анатолия донесся стук судовых дизелей. «Корабль», – понял Кузьмин.

Точка скоро выросла в прожектор. Сил, чтобы взмахнуть руками, закричать у пограничника уже не было...

Темная вода простиралась впереди, и капитан траулера «Кооператор», который, получив сигнал SOS, уже несколько часов искал пограничников, дал команду поменять курс, Кузьмин увидел, что прожектор отвернул от него. Солдат устало смежил веки. Но удача от него теперь упорно не хотела отворачиваться...

Капитан передумал и вернулся на прежний курс...

Кузьмин сквозь закрытые веки вновь почувствовал яркий свет. Он становился все ближе и ближе...

На судне его раздели, начали растирать спиртом. Дали выпить для согрева изнутри. От него пытались узнать о других исчезнувших пограничниках.

Поиски семерых сослуживцев рядового Анатолия Кузьмина – старшего прапорщика Олега Горлова, сержантов Виталия Богданова, Дмитрия Ершова, Александра Фоломина, ефрейторов Виктора Трабо, Романа Герасимова и Тимофея Терещука продолжались еще несколько суток...

Безрезультатно...

От «Вестей»

Мне довелось побеседовать с рядовым Анатолием Кузьминым. После чудесного спасения он оказался в пограничном госпитале.

Анатолий по своей комплекции худощавый, среднего роста, русоволосый паренек. Мимо такого пройдешь в толпе и не обратишь внимания. Но ему одному удалось выдержать гонки со смертью.

Про таких говорят: родился в рубашке.

Проще было найти иголку в стоге сена, чем одного человека на трех бревнах среди беспокойного холодного моря в ночное время суток.

Рядовому погранвойск Анатолию Кузьмину, проходящему службу на острове Медный, повезло...